

Очень откровенно

Автор:

[Анна Веммер](#)

Очень откровенно

Анна Веммер

Каково это: не помнить ни имени, ни прошлой жизни, будто кто-то нажал кнопку «delete»? Я прочувствовала все это на собственной шкуре, очнувшись в больнице после несчастного случая в отпуске. Незнакомец, навестивший меня в больнице, утверждает, будто мы не просто знакомы, а связаны контрактом. Согласно документу я, Алина Аксенова, в обмен на крупную сумму обязуюсь... что?!

Я не могла согласиться быть любовницей бизнесменов Данила Никольского и Олега Долгих, но именно в этом меня убеждают. Убеждают настойчиво, неторопливо и очень откровенно. И я почти готова сдаться, но что, если память вдруг вернется, и я пойму, что все не то, чем кажется?..

Содержит нецензурную брань.

Анна Веммер

Очень откровенно

Глава первая

– Мисс Аксенова, вы меня слышите?

Какая странная фраза. Кто вообще так говорит? Два совершенно несочетающихся друг с другом слова.

Кто-то снова спрашивает это, и я понимаю, что фраза сказана на английском. Мне светят фонариком прямо в глаз, так что приходится открыть глаза. Несколько секунд я пытаюсь проморгаться. В голове единственный вопрос «Где я?», но произнести его не выходит – в горле пересохло.

Врач – а мужчина в светло-синем костюме явно врач – дает мне стакан с водой и терпеливо ждет, когда я напьюсь.

– Вы слышите меня?

– Да. Где я?

– В госпитале. Вас привезла скорая сегодня утром, после несчастного случая на лайнере «Коста-Кристиана». Вы ударились головой, у вас сотрясение. Как себя чувствуете?

– М-м-м... кажется, нормально. Только голова кружится и как-то... не знаю, в голове туман.

– Это нормально. Мы провели несколько обследований, но, к счастью, все обошлось без серьезных травм. Однако нужно будет понаблюдать вас несколько дней. Не беспокойтесь, из-за инцидента лайнер пробудет в порту достаточно, чтобы вы смогли вернуться, если пожелаете, и продолжить путешествие. Ваша страховая сказала, что может отправить вас домой...

– Постойте, – прерываю его я, – что за лайнер? Я куда-то ехала, я...

Замираю. Голос словно выключают по щелчку, и сразу же включается паника. Я чувствую, как легким не хватает воздуха, и побелевшими пальцами сжимаю поручни койки.

– Я ничего не помню. Я... я не знаю, как меня зовут! Господи! Я ничего не помню!

Врач меняется в лице, а мой пульс набирает обороты. Кажется, сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Меня бьет мелкая дрожь, а все попытки пробиться через туман в голове и вспомнить хоть что-то рождают адскую головную боль.

– Сестра! – кричит врач.

Он выкрикивает названия каких-то лекарств, и я с облегчением позволяю сделать мне укол. Еще теплится слабая надежда, что я очнусь после снотворного, и произошедшее окажется страшным сном.

Но нет. Я – чистый лист.

В следующий раз я просыпаюсь ночью. Это, конечно, совсем не российская больница: вокруг суетятся медсестры, что-то замеряют, проверяют давление, пульс, реакции. Прибегает врач и долго расспрашивает меня о самочувствии. Мы не касаемся памяти, ограничиваемся коротким диалогом:

– Вы что-то вспомнили.

– Нет, ничего. Как только пытаюсь, жутко болит голова.

– Не нужно насиловать организм. Такое бывает после травм, пройдет.

– А если нет?

– Я не вижу в ваших обследованиях никаких повреждений. Скорее всего, ретроградная амнезия – реакция на стресс и травму. Вы испугались, ударились головой. Вот мозг и пытается, как может, оградить вас от травмирующих воспоминаний.

– А что случилось? Что за несчастный случай?

– Об этом вам расскажет тот, с кем вы путешествовали. Мы уже оповестили ваших друзей, завтра они вас навещают.

Отлично, вот и все, что я знаю: я путешествовала не одна, произошел какой-то несчастный случай, а еще у меня отличная страховка, потому что этот госпиталь

больше напоминает космический корабль. И я как будто вышла из анабиоза и теперь должна стать колонистом на новой планете. Но сложно быть колонистом, если ты даже имя свое знаешь с чужих слов.

Судя по карточке пациента меня зовут Аксенова Алина Александровна, гражданка Российской Федерации. Мне двадцать два, и мой паспорт явно новый – там всего одна виза, зато сразу полугодовой шенген. Я въехала три дня назад в Италию. И у меня отвратная фотка в паспорте, но этим вряд ли кого-то удивишь.

Когда я смотрю на себя в зеркало, то вижу миловидную девушку с крупными кудрями русого цвета. У меня тонкий и немного курносый нос, полные губы и зеленые глаза. Конечно, пребывание в больнице сказывается на красоте: губы обветрились и потрескались, скула заклеена пластырем, а на затылке красуется шишка. Сестра сказала, мне повезло, что не стали сбривать волосы, иначе сейчас я бы выглядела намного хуже.

У меня нет мобильного, а телевизор работает только на итальянском, поэтому я отключаю звук и просто целыми днями смотрю на рекламу пиццы и курортов. Внутри никаких эмоций. Часто ли я бываю на море или должна испытывать радость от того, что наконец вырвалась в отпуск? А может, я здесь по работе? Но я не знаю, кем работаю, нет никаких обрывков или флешбеков.

Пытаюсь ловить себя на случайных мыслях – вдруг промелькнет что-то из прошлой жизни или профессиональной деятельности. Но через туман не пробиться, и в итоге я смиряюсь. В конце концов, в существовании комнатного растения – я сейчас чувствую себя именно им – есть свои плюсы.

На второй день, когда я неторопливо ем пудинг и смотрю в окно, на уютный больничный дворик, в дверь палаты кто-то стучит. Хмурюсь – обычно медперсонал не спрашивают разрешения.

– Да, войдите!

В палате оказывается... я едва не роняю ложку при виде этого мужчины. Нет, я его совершенно не узнаю, он просто очень впечатляет. Черные, как уголь, волосы и такие же глаза, легкая небритость, четко очерченные линии скул и подбородка. Фигура... рубашка на нем сидит идеально, а на руке поблескивают

явно дорогие часы. Я невольно не могу оторвать глаз от его рук. Никогда бы не подумала, что могу так запасть на мужественные руки.

– Алина? – говорит он. – Мне позвонили и сказали, что ты проснулась.

Я пожимаю плечами.

– Наверное.

Он удивленно поднимает брови:

– Наверное, проснулась?

– Наверное, Алина.

– Значит, ты и впрямь ничего не помнишь. Я, честно сказать, подумал после разговора с доком, что ты просто не помнишь сам момент травмы. Совсем ничего?

Вздыхаю и отодвигаю столик (он на колесиках).

– Совсем. Имя и возраст знаю только по документам, внешность – из зеркала. Не помню ничего, даже любимый фильм.

– «Счастливого дня смерти».

– Спасибо. Посмотрю.

Это очень удобно – можно пересмотреть заново кучу классных фильмов и перечитать гору книг.

Хотя кое-что я все же помню. Например, я совершенно точно пробовала пиццу и очень ее люблю, мне нравятся аттракционы, я ношу часы на левой руке, а еще знаю, кто президент, и что круизы только-только возобновили работу после пандемии.

– А вы... мой друг?

Если это так, то у меня крутой круг общения. Может, я – дочь богатых родителей? Иначе откуда деньги на круиз, страховку?

– Меня зовут Данил Никольский. Я... в какой-то мере твой друг. Хотя... скорее, любовник.

Я давлюсь минералкой и стараюсь не краснеть. Понятия не имею, откуда у меня такая реакция. Мне не пятнадцать, я путешествую по Средиземному морю, почему у меня не может быть такого крутого бойфренда?

«Он не сказал «я – твой парень». Он сказал «я – твой любовник», – пронеслось в голове.

– Что ж... прости, но я тебя не помню.

– Врач сказал, это пройдет. Кстати, вот.

Он ставит на столик рядом с койкой небольшую корзинку с удивительно красивым букетом.

– Спасибо, – улыбаюсь я. – Данил... расскажешь, что произошло? Почему я здесь?

Он смотрит с опаской, явно не зная, что мне можно рассказывать, а что не стоит.

– Мы и сами точно не знаем. На корабле, где мы путешествовали, произошел взрыв. Сначала мы думали, что никто не пострадал. Но потом внизу, в техническом отсеке, нашли тебя. От взрыва с верхних полок посыпались коробки, инструменты и что-то определенно двинуло тебе по голове. Скорая забрала тебя сюда. Я ездил разбираться с последствиями взрыва, но как только врачи позвонили, сразу же приехал.

– Взрыв... что там случилось?

– Полиция установила, что это был не теракт. Взорвался баллон с газом, вероятно, попался бракованный. Сейчас идет расследование. Круиз остановили,

так что мы задержимся в отеле, и это очень удачно: врач сказал, тебе понадобится отдых.

– Спасибо. – Я благодарно улыбаюсь.

Так странно. Если этот человек – мой любовник, то должно же что-то внутри откликаться? Он хорош собой, чертовски хорош, но я ничего не чувствую ровным счетом!

– Алин... ты совсем ничего не помнишь? Ни взрыв, ни другие обстоятельства?

Качаю головой, вижу в его глазах беспокойство, тревогу и что-то еще.

– А что? Это важно?

– Просто не очень понимаю, что ты делала в тех помещениях. Гостям круиза туда нельзя.

– Прости. Ты же не думаешь, что это я как-то замешана во взрыве?

– Нет, Алина, господи, конечно нет. И взрыв – это случайность. Дебил, не следивший за эксплуатацией баллонов, уже уволен. Просто я чувствую себя виноватым за то, что с тобой случилось. Я должен был подарить тебе сказку на Средиземном море, а не черепно-мозговую травму и ретроградную амнезию.

– Что ж, я, очевидно, везучая девчонка. Значит, мы отдыхали?

– Да. Круиз по Средиземью – так ты его называла. Мы должны были посетить Италию, Турцию, Грецию и еще кучу стран, провести три райские недели на шикарном круизном лайнере.

– И я всем испортила отдых.

– Я бы так не сказал. На самом деле, я не фанат качки, чаек и корабельного казино в нейтральных водах. Мы и в отеле отлично проведем время. И ты, надеюсь, поправишься.

Наступает самая неловкая пауза в мире. Мы молчим, обдумывая произошедшее. Я чувствую, как снова начинает болеть голова, но не могу отцепиться от соломинки, за которую держусь изо всех сил. Только она связывает меня с миром, которого я совсем не помню.

– Мы путешествовали вдвоем? Или в компании?

– Втроем с моим другом, Олегом.

– И... ты можешь мне что-нибудь рассказать обо мне? Кто я? Чем занимаюсь? Чем живу? Давно мы вместе?

– Алин...

Он тянется ко мне, словно хочет обнять, но на середине передумывает.

– Врач просил не грузить тебя информацией. Я все расскажу и даже покажу, но позже, когда ты немного придешь в себя.

– Но...

– Ты – Алина Аксенова, ты юрист, недавно закончила московский вуз. Мы познакомились на твоём выпускном, ты праздновала в ресторане, который принадлежит моей семье. Тебе очень натерли туфли, ты сняла их и поставила в туалете, а пока была в кабинке, кто-то их спер. Ты расплакалась, хотела сбежать, а я тебя поймал и вывел танцевать.

– Босиком? – рассмеялась я.

– Да. Ты была босиком, мы танцевали посреди зала, и каждый знал, что я – его владелец, а потом я посадил тебя в лимузин, и мы уехали. За новыми туфлями.

– Красиво.

– Да. Об остальном позже. Тебе нужно набираться сил. Врачи продержат тебя до завтра, если все будет нормально. Я заберу тебя после обеда, идет? Все вопросы по страховке будут решать со мной, не парься об этом. И да, вот это тебе

пригодится, но не увлекайся.

Он вытаскивает совершенно новенький айфон, с него еще не сняты пленки и наклейки.

– А... мой?

– Мы его не нашли. При тебе его не было, в твоей каюте тоже. Может, где-то в вещах, я не стал рыться. Найдешь сама потом. Этот просто, чтобы ты не осталась без связи – там есть мой номер. Ну и интернет.

– Спасибо.

– Поправляйся. Не думай ни о чем. Ты в безопасности, Алина. И мы очень ждем твоего возвращения.

Едва он уходит, я тут же ищу себя в соцсетях. Так странно листать чужой фотоальбом и видеть себя. Похоже, я не так уж люблю публичность: в инстаграме всего с десяток фоток, и в основном – пейзажи без подписей. Я уже бывала в Италии, ведь есть фото с пастой и вином на фоне типичной итальянской улочки. Бывала полгода назад – и не с Никольским ли?

Мне не удастся узнать ни свою профессию, ни что-то еще, хоть немного значимое. А войти в аккаунты не получается. Я пытаюсь вспомнить пароль машинально, и даже какие-то комбинации на клавиатуре кажутся знакомыми, но сайты и приложения раз за разом выдают отказ.

Бесполезно. Я – чистый лист.

В конце концов, у меня начинает болеть голова, и медсестра заставляет отложить телефон. Горсть таблеток – и я не чувствую ни боли, ни тревоги. Почти сразу же мгновенно засыпаю и провожу единственную ночь без снов – как выяснится впоследствии.

Наутро мне почти хорошо. Врач долго меня опрашивает, осматривает и, наконец, говорит, что я могу идти домой. Даже смешно: я понятия не имею, где мой дом и куда я должна вернуться. Единственный мой контакт с внешним миром – номер

Данила, ему я и звоню.

– Буду через полчаса, – лаконично отвечает он.

У меня нет одежды, но об этом я сказать забываю. К счастью, Никольский приезжает с бумажным пакетом, в котором я нахожу легкое белое платье, босоножки на низком каблуке и небольшую шляпку.

– Там ужасное пекло.

Мы получаем кучу рекомендаций, основная из которых – больше отдыхать, не употреблять алкоголь, не заниматься активными видами спорта. Ну и все в таком духе.

– Для тебя готовы апартаменты в отеле, – говорит Никольский, когда меня вывозят из больницы.

Я вполне могу сама, но мне не разрешили, буквально силой усадили в инвалидное кресло. На парковке прохладно и свежо, и я с нетерпением жду момента, когда увижу Италию. Это наводит на размышления: почему мое подсознание так нервничает? Похоже, я люблю Италию.

– Вау! – говорю я, когда вижу машину Никольского.

Это что-то белое, спортивное и с открытым верхом. Очень дорогое, даже не разбирающийся в машинах человек это поймет. И еще монетка в копилку воспоминаний: я точно умею водить. Но прав нет в моих документах. Хотя зачем они в кризисе? Может, я найду их в вещах.

– О чем ты думаешь? – спрашивает Никольский.

Он ведет машину резко, лихо, в некоторые моменты мне даже становится страшно. Но я наслаждаюсь жаркими итальянскими улочками. Мы выезжаем из Рима и движемся куда-то – я совершенно здесь не ориентируюсь.

– Я точно была в Италии?

– Да, несколько месяцев назад. Ты летала с нами в командировку.

– С нами?

– Со мной и Олегом.

– Я у вас работаю? Мы коллеги?

– Нет. Мы с Олегом работаем, а ты была...

Он заминается и будто подбирает слова.

– С тобой?

– Со мной.

– Тебе не нужно избегать темы наших отношений. Я ничего не помню, но, наверное, ты классный парень. С классной машиной.

– Она прокатная.

– Ну, ты пользуешься очень клевым прокатом.

Он смеется, и мне чуточку легче.

– Расскажешь о себе?

– Нечего особо рассказывать. Я из состоятельной семьи, потратил половину сознательной жизни на то, чтобы пить, курить, заниматься беспорядочным сексом. Потом отцу это надоело, он выдал мне пару миллионов зеленых – и отпустил на все четыре стороны. Он думал, я промотаю все и вернусь, поджав хвост, превратившись в послушного мальчика. А я умудрился начать свое дело и остаться в плюсе. С тех пор прошло довольно много лет... хотя вру, всего лишь пять. Так что папа разрешил мне снять квартиру.

Мы снова смеемся. На заднем сидении машины есть небольшой термопакет с прохладной водой. Я чувствую себя почти счастливой, полной грудью дыша морским воздухом.

А ведь взрыв мог меня убить. Я легко отделалась, всего лишь амнезией и шишкой на голове. И Никольский мог бы не везти меня в отель, а перевозить мое тело в Россию.

Наконец мы въезжаем в отель. Я до последнего не допускаю и мысли, что это он, потому что отель выглядит почти как... замок. Он производит впечатление старинного сказочного замка – с башенками, узкими окнами, роскошным садом. За отелем, кажется, море: я слышу его шум.

– Мы что, живем здесь?!

– Ага. Это отель Олега.

– Твоего коллеги?

– Типа того. Тебе здесь понравится. Он очень тихий, но в то же время роскошный. И, главное, в нем два ресторана. В одном вечерами живая музыка и шум, а вот второй, хоть и небольшой, совершенно тихий. Тебе пока не стоит ходить на вечеринках.

– Спасибо, – улыбаюсь я.

Интересно, у нас общая комната? Если мы вместе, то должна быть. Господи, как неловко! Я сойду с ума, если не вспомню все в ближайшее время.

– Кроме нас в отеле никого? – спрашиваю я, когда мы заходим.

– Нет, с чего ты взяла?

– На ресепшене никого. Никто не ходит и не шумит.

– Отель новый, номеров здесь немного, но все заняты. Это премиум-класс, здесь не будет шумных компаний и пенных вечеринок. Администратор нам ни к чему,

сейчас...

Он умолкает на полуслове. Мы слышим шаги, и вторым человеком из прошлой жизни, которую я не помню, становится он.

Олег Долгих.

Это второе место в рейтинге самых сексуальных мужчин планеты.

Или первое.

Черт.

Нет, второе. Он бы поборолся за пьедестал – светлые волосы, серые, кажущиеся прозрачными, глаза, шикарная фигура и умопомрачительный загар – вот только от него так и веет холодностью, а хмурый вид навевает уныние.

– Эй, смотри, кого я привез. Придется снова выпить за знакомство, но только безалкогольный мохито...

В моей жизни будет еще много удивлений, но вряд ли что-то сравнится с тем, как Олег подходит куда ближе, чем полагается даже самому близкому другу, наклоняется и впивается в мои губы.

От растерянности я замираю и даже не могу сопротивляться. У его губ мятно-пряный вкус, а кожа, несмотря на загар, почти холодная.

Глава вторая

– Отпустите меня! – выдыхаю, наконец найдя силы его оттолкнуть.

На миг я думаю, что Никольский сейчас зарядит ему промеж глаз. Нельзя же так нагло целовать чужую девушку!

Но, к моему удивлению, Данил только рычит?

– Эй, приятель, она ничего не помнит!

– Да мне плевать, – холодно отвечает тот. – Я за это заплатил, черт подери.

Затем он бросает Данилу карточку-ключ – и просто уходит.

– Алин... – Никольский поворачивается ко мне. – Я все объясню.

Смотрит вслед Олегу и со вздохом добавляет:

– А потом меня посадят за препятствие медицинским распоряжениям или что-то такое... Я честно пытался убедить его, что ты вспомнишь все сама.

Мы сидим в беседке на пляже, в тени огромной соломенной крыши. Передо мной стоит запотевший бокал с безалкогольным мохито, а перед Никольским лежит тонкая папка с какими-то документами.

– Даже не знаю, с чего начать, – вздыхает он.

– Давай с самого начала. Почему твой друг меня поцеловал и за что он, по его же словам, заплатил?

– Ну... мы действительно познакомились с тобой на твоём выпускном в универе. Провели ночь вместе, а потом разошлись. До тех пор, пока я снова не вышел на тебя с предложением поехать со мной в Италию. Но поехать не совсем как моей девушке, а по контракту.

– По контракту?

– Да. Черт, Алин, давай я не буду долго ходить вокруг главного, попытаюсь сгладить углы. Мы с Олегом тебе заплатили, чтобы ты сопровождала нас в той поездке.

– Сопровождала, – повторяю я. – У тебя как-то не очень хорошо получается не сглаживать углы. Что это значит?

– Мы заплатили тебе, чтобы ты с нами спала.

– С вами.

– Да. Именно так.

– А...

Беру бокал, чтобы занять чем-то руки. На самом деле я бы прилегла, но не уверена, что могу уснуть, не дослушав историю до конца.

– Мы не думали, что все так выйдет. Никто из нас не ожидал, что придется все это тебе рассказывать.

– У меня кто-то болен? – вырывается у меня.

– Что?

– Зачем мне деньги, которые приходится отрабатывать в постели? Кто-то болен? Деньги нужны на лечение?

– Насколько мне известно – нет. Твои родители не богачи, но довольно уважаемые люди, преподаватели в Санкт-Петербургском университете. У вас довольно прохладные, но вежливые отношения. Когда ты была ребенком, они развелись, каждый устраивал свою личную жизнь, и тебе доставалось куда меньше внимания, чем требовалось. Но ты говорила, что пару раз в год вы видите. Они живы и здоровы, насколько мне известно.

– Тогда почему? Зачем мне это?

Никольский вздыхает. Для него этот разговор не сложный, а скорее неловкий.

– Я не знаю, но у меня сложилось впечатление, что ты просто любишь секс, деньги и путешествия. Когда мы провели вместе ночь, я понял, что ты открыта к экспериментам, поэтому предложил попробовать втроем. Ты согласилась, мы неплохо провели время, предложили тебе поехать в Италию за вознаграждение. И, собственно, первая поездка прошла отлично, поэтому мы взяли тебя в круиз. И вот, ты здесь. Прости, если шокировал тебя.

– Можно? – Я тянусь к контракту.

Не может же все это пройти бесследно! Если я была шлюхой, которая прыгает в постель к двум мужикам, то должно же что-то внутри откликаться!

Согласно документам я, Алина Аксенова, в обмен на десять миллионов рублей сопровождаю Никольского и Долгих на протяжении трех недель. В контракте указано, что если я прерву поездку досрочно, то буду должна вернуть гонорар и возместить все расходы.

– То есть...

– Все, что мы потратили на тебя, – мрачно подтверждает Никольский. – Это еще несколько миллионов. Алин, тебя абсолютно устраивали условия, ты не собиралась сбежать.

– А это что? – Я достаю из папки отдельный листок.

– Перед тем, как уехать, мы обсудили все нюансы. То, что приемлемо для тебя, а что нет. Наши условия и твои.

Я вчитываюсь в исписанный от руки листок, и с каждой секундой вопросов все больше. Почерк определенно мой, я писала это сама, а чтобы окончательно в этом убедиться, пишу несколько слов на свободной части листа.

Итак, я написала, что для меня неприемлемо употребление веществ (за исключением алкоголя) и нахождение в помещении, где присутствует табачный дым (да, я определенно его ненавижу – аж к горлу подкатывает комок!). Я не практикую игры с травмами, кровью и какими-либо долгоиграющими следами на коже. Я категорически не приемлю игры с удушением, длительным (дольше

получаса) связыванием и полной сенсорной депривацией (не больше двух органов чувств). Также под запретом публичный секс (за исключением специальных мероприятий), секс с использованием непредназначенных для этого предметов. В любом случае перед актом должны быть оговорены все нюансы и планы каждого из участников.

С другой стороны я не имею права возражать против:

Классического секса

Орального секса (обоих видов)

Анального секса

Двойного проникновения

Использования секс-игрушек, смазок и других товаров из соответствующих разделов

БДСМ-игр, игр с воском, шибари

Посещения вечеринок сексуального характера

– Не знаю, что сказать, – после долгой паузы говорю я.

– Это твой почерк. Ты сама вписывала все правила, и мы под ними подписались. Не то чтобы им было сложно следовать.

– Вечеринки?! Секс втроем?! Игрушки?! Вы заплатили десять миллионов вместо того, чтобы нанять проститутку... хотя стоп, вы ее и наняли, похоже.

– Алина, ты преувеличиваешь масштабы трагедии. Ты не проститутка. Многих девушек обеспечивают их любовники. Как ты себе представляешь иную ситуацию? Платим за все пополам?

– Да, только в отношениях сначала идет секс и все такое, а потом – жизнь за чужой счет. И прямой зависимости между этим нет.

Но Никольский только отмахивается.

– То, что это не прописано в контрактах не значит, что зависимости нет. Мы всего лишь честны друг с другом. Тебе сложно в это поверить сейчас, но мы отлично проводили время.

– Ты прав. Мне сложно поверить. А самое главное, что я даже не могу взять эти дурацкие десять миллионов и вернуть вам, потому что у меня нет доступа к счетам и собственным средствам. Даже мелочь на автобус и то не факт, что найдется!

– Эй, Алин, давай без глупостей? Тебе надо отлежаться и, возможно, память вернется. Не надо пока принимать поспешных решений.

– Кажется, твой приятель не собирается ждать, пока я приму решения взвешенные.

– Тебе нет смысла нам доверять, я понимаю. Ты видишь нас впервые, мы говорим провокационные вещи. Я пытаюсь тебя понять, но честно, даже не представляю, что ты чувствуешь. Однако ты можешь доверять кое-кому в этой истории...

Он поднимается, обходит меня со спины и склоняется к самому моему уху.

– Себе, Алина. Попробуй довериться себе.

Кожа в миг покрывается мурашками, хотя на дворе жаркий летний день. Я чувствую, как шумит в ушах, и слегка боюсь того, что Никольский будет делать дальше, но он выпрямляется и говорит:

– Тебе нужно больше лежать, особенно первые несколько дней. И я бы на твоём месте так и сделал, потому что в рекомендациях врача нет ничего про секс.

– И что теперь?

Он смотрит, склонив голову, с ироничным прищуром. Будто я задала вопрос с подвохом.

– Теперь я тебя трахну. И не говори, что не хочешь, Алина.

– Не скажу. Но хочу услышать, почему хочешь ты. Точнее, почему вы оба этого хотите. У вас хватит денег купить себе по десять девушек на каждого. А вы хотите одну. Почему?

Олег пожимает плечами.

– Может, все дело в том, что мы оба – средние братья в семьях? И мы привыкли делиться игрушками. А может, дело вовсе не в нас.

– Что ты имеешь в виду?

– В этом уравнении есть еще и третья неизвестная.

– О, я в нем совершенно точно константа.

– Я не был бы так уверен, Ал-л-лина.

Только он умеет так тянуть мое имя, останавливаясь на букве «л».

Я просыпаюсь от того, что чувствую на коленке чью-то горячую и тяжелую руку. Еще до того, как я открываю глаза, знаю, кого увижу. Удивительным образом Никольский и Долгих за несколько коротких встреч въелись мне в подкорку. Я, кажется, знаю их запахи, шаги, дыхания. Но совершенно не помню ничего о том, откуда у меня эти знания.

– Врач сказал, что я должна оставаться в покое в ближайшие дни. Думаю, разбитная оргия не соответствует этой рекомендации.

– Всего лишь зашел узнать, как ты.

– Удивительная забота для того, кто напомнил травмированной девушке, что заплатил за нее.

Олег смеется, у него очень низкий бархатистый голос, я никогда таких не встречала.

– Меня тоже можно понять, малышка. У меня на корабле взорвался баллон, только чудом никто не погиб. Я влетел на кучу бабок, поменял все свои планы и завис здесь до окончания расследования страховой компанией.

– Расследования?

Я сажусь в изголовье кровати. Олег не спешит убирать руку, теперь она лежит прямо у меня на стопе и... неожиданно будоражащее ощущение. Вот черт.

– Страховая имеет право считать, что я пытаюсь нагреть их на бабки. Поэтому они будут все проверять прежде, чем оплатить ущерб. Ну а я хочу присутствовать и лично все контролировать. Раз уж у меня такой идиотский отпуск. И да, я не привык к сантиментам, поэтому рассчитываю, что ты его мне скрасишь. Потому что...

– Заплатил, я уже поняла.

– Именно.

– Я уже спрашивала у Данила, но хочу спросить и тебя. Почему я согласилась? Для чего мне были нужны такие деньги?

– Сомневаешься, что подписала контракт добровольно?

– Нет, наверное. Просто пытаюсь себя понять. Если верить вам и... ощущениям, то меня вообще не напрягали эти отношения. Но если заглянуть в себя, то... после удара по голове могут внезапно появиться моральные принципы, которых раньше не было?

Олег пожимает плечами. Ему явно весело: глаза блестят с интересом. Он изучает меня, как подопытную мышку. Не забывая мягкими неторопливыми движениями

массировать мою ступню.

– Порой после травмы люди внезапно обнаруживают, что могут говорить на китайском или виртуозно играть на фортепиано. Моральные принципы – не самая страшная вещь. Хотя и неприятная, спору нет. Но мы сумеем справиться с ними. Это будет довольно легко, потому что я знаю твое тело. И знаю, как доставить тебе удовольствие.

Что ж, люблю, когда у мужчины широкий кругозор.

– Расскажи еще что-нибудь о моем прошлом. Ну или хотя бы о той части, которая тебе известна.

– Так не интересно. Почему желаемое получишь только ты? Давай лучше поиграем: за каждый ответ на вопрос ты снимаешь одну часть одежды.

Я приподнимаю бровь.

– На мне два предмета одежды. А вопросов больше.

– Какая жалость. Придется выбрать два самых важных вопроса.

Или не выбирать их вообще. Отказаться играть в его игру и надеяться, что скоро я все вспомню сама.

Вот еще одно знание о себе: я не робкого десятка и довольно азартна. Меня почему-то совсем не пугает обнажаться перед Олегом, скорее будоражит и немножко злит. Мне не нравятся игры, в которых есть только один победитель. И я хочу его позлить.

– Что будет, если я откажусь с вами спать?

Олег удивленно поднимает брови.

– Это не вопрос о твоём прошлом.

– Это не ответ на мой вопрос.

– Я заставлю тебя вернуть деньги, которые ты получила.

– Но я понятия не имею, где они, у меня нет доступа к счетам.

– Не мои проблемы. Разберешься.

– И как же ты собираешься взыскать с меня деньги? В суд с претензией «товарищ судья, она мне не дала!» не сходишь.

– С чего ты взяла? – Он ехидно улыбается. – Суды бывают разные.

Намек понят. В голосе Долгих не было ни угрозы, ни напора, он выглядел и говорил так, словно мы болтаем о какой-то ерунде за бокалом вина, но я все равно уловила недвусмысленный намек. Его сложно обыграть, он не привык к поражениям. И добивается желаемого любыми путями, не обращая внимания на написанные кем-то законы.

Я невольно задумываюсь: насколько добровольно я подписала контракт? Даже на уровне ощущений и отголосков эмоций невозможно понять. Меня определенно интригует мужчина, что сидит рядом. Если бы я в прошлом испытывала страх, он бы отразился сейчас?

– Я ответил на вопрос. Жду.

Закусив губу, я мучительно решаю, что снять первым – платье или трусики. Больше на мне ничего нет, даже завалящего колечка, чтобы выдать его за предмет гардероба. Наконец решаю стоять до последнего, и цепляю кончиками ногтей кружевную ткань, стаскивая ее по ногам.

– Интересно, – хмыкает Олег. – Второй вопрос?

– Мне надо подумать.

– Думай хорошо.

– На что я потратила десять миллионов?

– Понятия не имею.

– Значит, ответ не засчитан.

– Ты играешь не по правилам, малышка.

– Я хочу внятный ответ, а не отговорку. Ни за что не поверю, что ты, перед тем, как уложить девицу в постель, не узнаешь о ней все. И что, передав такие бабки за секс, не выясняешь, зачем они ей.

На этот раз Олег долго думает, и мне даже кажется, что ничего не выйдет. Будет стоять на своем «не знаю», и мне ничего не останется, как принять его правила.

Но нет.

– Ты все хочешь узнать, что была благородна и чиста. Что пошла на это из-за большой нужды, возможно, альтруистичной. Что спасаешь больного братика или спасаешься от коллекторов, но если хочешь знать – да, я искал информацию о тебе. И, если судить по ней, ты просто не упустила возможность подзаработать. Тут не то чтобы ужасные бесчеловечные условия. Круиз...

– Ага, на котором мне прилетело по голове.

Он садится ближе, и дыхание сбивается. Я стараюсь держаться так же уверенно, как недавно говорила, но это чертовски сложно. Почему-то никак не выходит поверить в то, что я была типичной эскортницей со страстью к дорогим сумкам. Как правило, девушки, зарабатывающие подобным, выглядят и подают себя в сети немного иначе.

Я нутром чую, что Олег Долгих врет, но в чем?

Меж тем кончиками пальцев он проводит по моим ногам, подбираясь к краю платья, сминая тонкую ткань и поднимая вверх. Уговор есть уговор, и я приподнимаю руки, чтобы можно было стянуть платье, оставаясь совершенно

голой.

Хочется закутаться в плед, но я заставляю себя сидеть спокойно под его изучающим неторопливым взглядом.

– Хочешь еще одну важную для скорейшего возвращения воспоминаний деталь?

– Возможно.

Смотря что он попросит взамен.

– Возможно или хочешь?

– Зависит от того, какова цена.

– Ты знаешь цену.

– Мне нельзя. У меня болит голова.

– Мы не будем делать это... слишком активно и с риском для твоей головы.

Для него этот вопрос – формальность, Олег не собирается ждать, пока я отвечу. Он притягивает меня к себе, впиваясь в губы, сминая сопротивление. Голова кружится, но совсем не из-за сотрясения. Он действительно потрясающе целуется, при этом не теряя голову – это и злит и будоражит. Меня охватывает странный азарт: я хочу, чтобы Олег потерял голову. Хочу его победить.

Но силы неравны, пока что я теряю голову от поцелуев. Наши языки сплетаются, его пальцы неторопливо изучают контуры моего тела. От каждого касания по телу проходят разряды тока.

Олег подается вперед, весом своего тела опуская меня на постель. После нескольких дней в больнице тело ноет, и я расслабляюсь, выгибаясь под ласками. Слишком откровенными для первого знакомства.

У меня вырывается короткий стон, который тут же заглушают новые поцелуи, и в тот момент, когда горячие пальцы Олега прикасаются к клитору, и я вздрагиваю, распахивается дверь.

– Вы охренели?! – Я слышу голос Никольского и первым делом кутаюсь в плед. – Врачи сказали ей лежать. Я, как порядочный дебил, изображаю джентльмена, а вы тут развлекаетесь?! Если вы сейчас скажете, что она все вспомнила, а меня на вечеринку в честь события не позвали, я вас обоих скину с пирса.

Олег хрипло смеется. Я все еще чувствую вкус его губ и прикосновение пальцев. Это заставляет задуматься: все ощущения, испытанные мной до встречи с ним, были мне знакомы. Я не знала, когда и как впервые попробовала мохито, но точно знаю, что пробовала его. А вот в сексе у меня не так много опыта. Это странно для девушки, которая получает миллионы за него. Почему кто-то готов платить девушке, которая ничего толком не умеет? Хотя, с другой стороны, откуда я знаю, может, именно это их и заводит. Не лишено логики.

– Расслабься, я просто решил проверить, как она себя чувствует.

– Проверил? – мрачно хмыкает Данил. – Ну вот и вали. Алин, ты поужинаешь здесь или пойдешь на веранду?

– Да ты прямо заботливая мамочка, – хмыкает Олег.

Никольский без изысков показывает ему средний палец. Интересная у них дружба.

– Я выйду на веранду. Только оденусь и приведу себя в порядок.

Намек не понят: они оба сидят и не думают уходить. Но я уже сбросила флер возбуждения и не готова к большей откровенности.

– Приведение себя в порядок подразумевает одиночество.

Никольский и Долгих переглядываются. Мне кажется, разочарованно. Данил встает первым.

– Ладно, я не собираюсь быть какашкой в коричневом костюме на чужом празднике. Хотите тут обжиматься без меня – вперед. Но знайте, что я буду одиноко заливать свою тоску первоклассным ромом.

Он явно не всерьез – у Никольского веселые глаза. Они явно привыкли к подобным подколам. Каждую крупницу новых знаний я бережно складываю в почти пустую голову.

– Эй! – окликаю Олега, когда тот уже собирается уходить. – Ты обещал мне кое-что рассказать.

– Ты не выполнила свою часть сделки.

– Выполнила. Не моя вина, что пришел твой приятель.

– Да, сегодня его приход все обломал. Хотя обычно бывает наоборот.

– Если ты пытаешься сбить меня с толку намеками на секс втроем...

– То у меня прекрасно получается.

– Нет.

Он удивленно – будто бы – поднимает брови:

– Разве? То есть ты дрожишь, как осиновый лист, потому что ужасно разочарована окончанием нашего... м-м-м... хулиганства?

– Не уходи от ответа. Ты обещал мне дать информацию, и я ее жду.

– Думаю, будет справедливо, если я дам часть информации. Ведь никто не кончил, верно? Часть информации за часть удовольствия.

Мне уже начинает надоедать эта игра.

– Хорошо. Вот тебе информация. Взрыв, из-за которого с полок сорвались ящики и двинули тебе по голове, был не случайным.

Я резко сажусь в постели, не замечая, что одеяло снова сползает, обнажая плечи и грудь.

– Что значит не случайным?! Олег!

– Переодевайся к ужину. И надень что-нибудь красное, мне нравится этот цвет на тебе.

– Не смей уходить! Стой!

Его смех затихает вдали, а от сквозняка дверь с грохотом захлопывается. И вместе с этим голова взрывается адской болью, а в глазах темнеет. Я открываю рот, чтобы позвать на помощь, но крик захлебывается в воспоминании.

Сердце бешено стучит в висках, а руки дрожат. Я тороплюсь, то и дело вслушиваясь в звуки из коридора. Осталось совсем немного времени.

Я достаю из небольшого белого рюкзака какое-то устройство, ставлю на пол и нажимаю кнопку.

На маленьком табло появляется таймер.

00:59

00:58

00:57

Я подрываюсь с места и несусь прочь, но дверь поддается с трудом – ее словно заклинило. Паника захлестывает с головой, я отчаянно пытаюсь выбраться и, когда это получается, настолько не ожидаю, что вываливаюсь в смежное складское помещение.

Но время уже упущено. Корабль содрогается от взрыва, и с верхней полки на меня сыпятся коробки и ящики.

Глава третья

Я точно в сказке, только эта сказка мрачная, как фильмы Тима Бертона.

На пляже, на пирсе, стоит столик на троих. Мидии, креветки, капрезе, какие-то итальянские закуски и холодное белое вино. В бокалах мужчин вино, в моем – апельсиновый сок.

Никольский и Долгих переоделись к ужину. Даже здесь, в роскошном отеле, скрытом от посторонних глаз, они следуют дресс-коду: рубашки и брюки. Никаких дурацких гавайских рубашек и миди-шорт. Это злит, потому что в семейниках веселенькой расцветки они были бы асексуальны, а сейчас... я с трудом могу оторвать взгляд от одного, как он тут же падает на другого.

Они о чем-то негромко беседуют, но, едва я подхожу, умолкают.

Олег окидывает меня слегка насмешливым взглядом. Я слишком погружена в свои мысли, чтобы смущаться. Я нервничаю, но не из-за того, что произошло в номере. Меня пугают воспоминания.

– Я просил красное.

Не сразу понимаю, о чем он. Потом вспоминаю, что Олег просил надеть красное платье, и радуюсь: в сумерках почти не заметно, как я покраснела. Забыла! Напрочь забыла!

– Я вспомнила кое-что, – говорю я, усаживаясь на свободный стул.

Данил взволнованно выпрямляется, а Олег наоборот, откидывается на спинку стула и неторопливо делает глоток вина. Как такие разные люди умудрились так подружиться?

– И что же ты вспомнила? – спрашивает Долгих.

– Красное мне не идет.

Данил мягко смеется и заботливо подкладывает мне в тарелку мидии.

– Кажется, Алина обижена на тебя. Ты теряешь навыки, приятель. Раньше из твоей постели женщины выходили в более благодушном настроении.

– Технически постель была моей, – снова не могу удержаться.

– Технически отель принадлежит мне, так что...

– Ешьте уже! – закатывает глаза Никольский.

Я вряд ли смогу проглотить хоть кусок. Картинки из обрывочного воспоминания не выходят из головы. Это сделала я! Я достала бомбу из своего рюкзака, положила ее в подсобном помещении и лишь по чистой случайности – из-за заклинившей двери – не успела сбежать.

Почему я так поступила? Мог кто-то пострадать! Неужели я способна на такое? Даже мысленно не могу произнести слово, которым это охарактеризуют. Вот ирония: если меня посадят, я даже не помню, за что!

– Алина, хорошо питаться – тоже в списке рекомендаций врача.

– Аппетита нет. Голова еще болит.

– Не заставляй меня жалеть о том, что был с тобой откровенен, – говорит Олег, и Данил тут же хмурится.

– О чем это ты? Ты что, рассказал?! Твою ж мать, Олег! Ты можешь хотя бы советоваться?!

– Это вышло спонтанно.

– Как и все, что там происходило.

Мне чудится в голосе Данила ревность, но она быстро исчезает – и он снова невозмутим. Я понятия не имею, как вести себя с ними и слегка теряюсь. Пожалуй, на меня действительно слишком много всего свалилось. Известие о контракте, поцелуи с Олегом, воспоминание, травма.

Но я хочу еще.

– Полиция узнала что-нибудь? Кто это сделал? Зачем?

– Пока нет. Отпечатков не нашли, устройство было небольшое. Кто бы ни устроил взрыв, он не планировал жертв. Основная версия – экоактивисты. В последнее время они сильно против прохода круизных судов.

– Ну прямо пчелы против меда, – хмыкает Никольский.

– Они могли кого-то подкупить, при желании проникнуть на судно легко. Если в ближайшие дни кто-то попытается использовать взрыв на благо себе – у нас появятся зацепки.

Экоактивисты?

Я смотрю на мидию, оценивая, насколько мне ее жалко, но никаких теплых чувств не испытываю. В глубине души я совершенно точно не экоактивистка. Могла ли быть ею в прошлой жизни? Притворялась? Или верила в эти идеи? Чушь какая-то!

– Нет, ты ужасно упрямая девица, – возмущается Данил.

Он цепляет креветку своей вилкой и, перегибаясь через стол, подносит ее к моим губам.

Пока я соображаю, то же самое, но уже с кусочком сыра, делает Олег. И я замираю, обескураженная двойным вниманием.

– Придется выбирать, – ехидно улыбается Долгих.

– Да, я рассчитываю на свой кусочек твоей благосклонности, – а Никольский явно флиртует.

На секунду я забываю обо всех заботах и просто включаюсь в игру. На решение уходят доли секунды, я насаживаю на вилку оливку и выбираю ее.

Вот так, мальчики. В эту игру можно играть и втроем.

Правда, я ненавижу оливки. Поэтому морщусь и почти не жуя глотаю гадость. Никольский смеется, а Олег отвлекается на звонок телефона. Мельком взглянув на экран, он поднимается:

– Прошу прощения. Сын.

Я, запивавшая мерзкий привкус соком, едва не давлюсь.

– У него есть сын?!

– Ага, – кивает Данил. – Ромка. Хороший парень, неплохой хоккеист. Занимается в клубе, где у меня сестра работает. У них как раз сейчас отпуск, думаю, Роман приедет сюда.

– Миленькое сборище, – хмыкаю я. – Миллионер, его сын, друг и шлюха. Надеюсь, я хотя бы с хоккеистом не спала?

– Теперь и я на это надеюсь, – смеется Никольский. – Мы тебе не нравимся, да?

– Дело ведь не в этом. Дело в... не знаю, порядочности?

– Что непорядочного в сексе?

– Втроем?

– Да хоть вдесятером. Если все участники процесса взрослые, приняли решение самостоятельно, всем хорошо, никто не страдает – почему это плохо?

– Потому что так принято. Потому что женщина – это не игрушка, в которую можно пихать сколько угодно членов. Потому что секс за деньги – это услуга и добровольной от и до она быть априори не может. Тебе этого мало?

– Не знаю. У нас с тобой разные мировоззрения. Точнее, у тебя оно изменилось после несчастного случая, а я вообще не привык рефлексировать. Женщина, конечно, не игрушка, но кто сказал, что она не имеет права играть? Кто сказал, что она не имеет право быть с двумя мужчинами, если ей в кайф? Почему она заслуживает осуждения или жалости только потому что живет не так, как принято? Ты ведь не допускаешь, что кому-то может это нравиться, ты уже сделала стереотипные выводы: женщину принудили, она – жертва. А просила ли жертва ее спасать? Может, она совсем даже наоборот? Что до секса за деньги, то я уже говорил. В любых неравных отношениях есть вопрос денег. Давай смоделируем ситуацию чуть иначе.

Без Олега, его пронизывающего насквозь взгляда, мне сильно легче вести разговор, пусть и жутко странный разговор.

– Ты – свободная молодая девушка среднего достатка. У тебя есть офисная работа, которую ты не слишком любишь, но в целом ты достаточно хорошо живешь. И вот ты встречаешь мужчину, и он тебе нравится. Это нормальная ситуация?

– Конечно.

– Ты ему тоже нравишься, и вы начинаете встречаться. Сначала просто гулять, потом занимаетесь сексом – и вам обоим хорошо. Но к свадьбе и детям ты не готова, ты еще хочешь повидать мир, встать на ноги и заработать на свое жилье. Поэтому вы договариваетесь, что между вами – несерьезные отношения. Это нормально?

– Пока да.

– В этом режиме вы встречаетесь, занимаетесь сексом. Возможно, начинаете скучать, ведь все приедается и страсть проходит. И тогда добавляете разнообразия игрушками или просмотром порно, ну или например ролевыми играми. Уже ненормально?

– Нормально, пожалуй.

– И вдруг твой молодой человек предлагает тебе поехать в круиз. Вам обоим нужен отпуск, он вообще не отдыхал уже сто лет и находится на грани. А еще он намного более обеспеченный, чем ты, и, зная, что круиз по Италии для тебя очень дорогой, предлагает оплатить твою путевку. Нормально?

– Вполне, хотя и несколько... смущающе для отношений без обязательств.

– Но есть одна загвоздка: тебя не отпускают с работы. Начальник-самодур просто не дает тебе отпуск, требует работать. И тогда молодой человек предлагает тебе уволиться. Но у тебя ведь расходы! Коммуналка, корм для котика, парковочное место, подписка на «Нетфликс» и маникюр. Ты не можешь уйти с работы. Тогда твой парень просто дает тебе денег, чтобы ты ушла с тяжелой работы и от начальника-мудака. На первое время. Норм?

– Нет.

– Почему? – улыбается Никольский. – Разве брать деньги в тяжелую минуту у близкого человека не нормально? Да-да, я знаю, без обязательств, но если вы друг другу дороги, что не так? Ты бы не помогла дорогому человеку, если бы для тебя это было плевым делом?

– Ты подменяешь понятия. Вы мне не помогаете, вы мне платите. Это другое.

– Откуда ты знаешь, в каком контексте мы заключили договор? Почему уверена, что не говорила «я бы с удовольствием с вами покаталась, мальчики, но мне на работе шкуру спустят, если уеду».

– Потому что тогда не понадобился бы договор.

– А вспомни, что я говорил про игрушки и разнообразие. Вы отправились в круиз и решили разнообразить в нем секс. Почему игрушку взять не зазорно, а друга – ужасно аморально? Если об этом никто не знает, если все, что между вами – только между вами.

– Ну, – я пожимаю плечами, – может, это и личное дело каждого.

– Вот видишь. А что до договора... к каждой игрушке идет инструкция, чтобы ненароком не причинить себе вред.

Я слышу шаги, и обнаженных плеч невесомо касаются грубые горячие пальцы Олега. По телу проходит приятная дрожь.

– О чем болтаете? – спрашивает он.

– Никольский назвал тебя секс-игрушкой, – с удовольствием говорю я, наблюдая, как вытягивается лицо Данила. – И даже подробно объяснил, почему.

– Как я люблю эти женские попытки встать между мужчинами.

– Ну что ты, и в мыслях не было. Могу оставить вас наедине.

– На некоторых очень благотворно влияет удар по голове, – задумчиво говорит Олег. – Мне нравятся дерзкие девочки.

На этой не очень оптимистичной, но очень многообещающей ноте разговор утихает: нам всем действительно хочется есть. Здесь потрясающая кухня, я с удовольствием пробую все, что приносят официанты и с тоской смотрю на запотевшие бокалы с холодным вином у мужчин.

Рядом шумит море. Нестерпимо хочется в него окунуться, проплыть навстречу луне, но с сотрясением это, конечно, противопоказано. А самое грустное: вряд ли у меня будет шанс насладиться всем этим.

Я многого (точнее, всего) о себе не знаю. Не помню, кто я и о чем мечтала, не помню прошлого и не имею представления о будущем, но я совершенно точно хорошо знаю свои желания. И в них нет даже толики, откликающейся желанием мужчин, что сидят со мной за столом.

Они оба словно сошли с обложек журналов, от них исходит невероятный магнетизм, но во мне, внутри, там, где согласно литературе должны порхать бабочки в животе, ничего нет, кроме тревожного страха.

А ломать себя я не умею. Ну, или не помню, как это делается.

Десерт приносят только мне. Это нереально вкусный крем-брюле. В небольшом сотейнике, с золотистой карамелизированной корочкой, очень нежный внутри. Я потягиваю холодный чай, ем десерт и наслаждаюсь свежестью морского побережья. А вот мужчины уже закончили ужин.

– Что ж, – Никольский поднимается, – день был долгий. Пойду, отправлю несколько писем, а затем, пожалуй, выплусь. И тебе, Алина, советую то же самое. Олег, проводи девушку до комнаты, когда она закончит. И желательно не переступай порог.

Он многозначительно приподнимает брови, на что Долгих откликается неопределенным жестом. Ему привычно, без всяких приказов и расспросов, приносят стакан с виски, и мы остаемся вдвоем, смотреть на море.

– Давай, говори, – вдруг произносит Олег.

Я удивленно моргаю.

– Что?

– До того, как заняться бизнесом, я был хирургом. И прекрасно знаю этот взгляд. Он называется «перед полостной операцией я нажрался мамкиных беляшей и теперь сказать страшно, а не сказать – неудобно». Лучше говори, потому что беляшки – последнее, что хочет увидеть анестезиолог на операции.

– Это какая-то слишком сложная метафора.

– Зато люди простые. В девяноста процентах если тебе кажется, что человека что-то грызет – оно его грызет. Либо измена, либо глисты, в зависимости от того, в какой кабинет у него талончик.

– Я не буду с вами спать.

– Из-за метафоры про глистов?

– Из-за того, что не хочу. Я долго думала, пыталась найти в себе ответ на вопрос «Почему?». Что заставило меня подписать контракт? Пыталась найти какой-то отклик к подобным... формам отношений. Но ничего нет, боюсь, что-то во мне сломалось. Я верну вам деньги, вернусь в Россию и получу доступ к счетам. Затем верну. И жду расчет фактически понесенных расходов.

– Включая перелет до России, я так понимаю, – кивает Долгих.

Забавно, я думала, он разозлится, но нет: смотрит изучающе, с интересом, как на диковинную зверушку.

– Думаю, этот билет станет незначительной каплей в море моих долгов.

– Ну, хорошо. Тебе пора спать, идем, я тебя провожу.

– Мне бы хотелось улететь, едва выйдет срок, предписанный врачом.

– Угу.

– Но расчет получить пораньше. Я должна оценить масштаб долга и продумать все варианты.

– Например тот, в котором ты потратила деньги до того, как вообще отправилась в круиз? И в котором тебе придется продать недвижимость, почку и тело по бросовой цене, лишь бы оплатить хотя бы проценты?

– Не сомневалась, что найду у тебя поддержку.

Мне не хочется уходить с пляжа, но Олег ни за что не оставит меня здесь одну. Его шутовское «проценты» окончательно ввергло в уныние. Десять миллионов, плюс расходы на «выгул» меня в средиземных морях, плюс проценты... кажется, мое твердое и свободолюбивое решение не ломать себя только что превратилось в абстрактную мечту.

Но есть еще надежда на Никольского. Он выглядит куда менее циничным, чем Олег. Может, мое решение отзовется в нем... не знаю, жалостью? Или пониманием?

Мы неспешно бредем к отелю, погруженные каждый в свои мысли. Я чувствую усталость, хотя весь день или отдыхала или пыталась отдыхать. Слишком много информации, слишком много переживаний.

Наконец мы останавливаемся возле моей двери. Олег медлит, не спеша уходить, но и не делает попыток пройти вслед за мной в комнату.

– Лучше поговорить обо всем завтра, – дипломатично и туманно говорю я. – Спокойной ночи.

Вместо ответа руки мужчины смыкаются у меня на талии. Секунда – и я вжата в мускулистое и твердое, как сталь, тело. А губы опаляют дыханием и легким флером дорогого алкоголя.

– Завтра меня не будет, поразвлекайтесь с Никольским. Он обещал взять тебя на прогулку по окрестностям. Однако...

Я делаю неуверительную попытку вырваться. Сердце неистово бьется, по ощущениям почему-то в ребра, мешая дышать.

– Ты будешь с нами трахаться. Можешь нести любую высокопарную чушь про порядочность и отклик, но, когда поправишься, послушно ляжешь в постель и раздвинешь ножки, знаешь, почему?

Нарочитая грубость и в голосе и в самой фразе неприятно царапает. Я пытаюсь высвободиться, но это все равно что играть в вышибалы с танком. Долгих отпускает меня, выждав несколько мучительных секунд: он словно наслаждается властью и не упускает случая ее продемонстрировать.

– Потому что я знаю, что взрыв устроила ты. И до тех пор, пока не выясню причины, ты должна быть в зоне моей видимости. А ты, Алина, если не хочешь загреметь за решетку, то ищи отклик скорее, потому что я как спрятал доказательства твоей вины, так и верну. Я бы на твоём месте хорошо старался в постели. Это лучше, чем стараться, отмывая тюремный толчок.

Он протягивает руку и легко толкает дверь.

– Спокойной ночи, Алина. Если что-то понадобится – звони мне. Я прикажу выполнить любое твоё желание. А ты исполнишь наши.

Глава четвертая

Наутро мне даже кажется, будто этого разговора не было. Я не спала всю ночь, лишь под утро провалилась в поверхностный сон, но его оказалось катастрофически мало для того, чтобы почувствовать себя отдохнувшей. Но от травмы не осталось и следа, во всяком случае, я чувствовала себя почти нормально.

Если не считать легкого волнения, конечно: мне казалось, Долгих с самого утра пойдет в атаку. Все время до открытия ресторанчика я просидела на веранде, наслаждаясь запахом свежескошенной травы и отдаленным шумом моря.

Но, к моему удивлению, никто не спешил кружить вокруг с порочными и провокационными предложениями.

Официант приносит меню, и я недолго думая выбираю завтрак. Ночь размышлений и попыток вспомнить хоть что-то привели меня к важной мысли: Долгих и Никольский – не главная проблема. Точнее, их желания и настойчивые уговоры. Секс – ничто в сравнении с перспективой оказаться за решеткой. Почему, почему я подвергла корабль такой опасности?! Почему пошла на международное преступление? Да в некоторых странах за такое могут казнить!

И Долгих знает, что я виновата, так что мы на одной отметке, но в совершенно разных условиях. У него больше возможностей докопаться до правды, но у меня есть преимущество: моя голова.

– О чем задумалась?

Никольский зеваёт, ерошит волосы и довольно потягивается на солнышке, как ленивый кот. Я невольно отмечаю, что несмотря на мое сложное отношение к этим двоим, оба по-своему хороши.

– Сначала долго думала, можно ли делать заказ в ресторане, или у вас как во «все включено», аля карт два раза в неделю. Потом решила, что раз уж твой приятель убедил меня не разрывать договоренности, то чихать я хотела на правила турпутевки – платите.

Данил смеется и усаживается рядом. Я с интересом прислушиваюсь к чувствам, ощущениям, и понимаю, что не против.

– Олег тебя убедил? И как ему удалось?

– В основном угрозами.

– Да, это на него похоже. Отголоски прошлого: пытается быть суровее, чем есть на самом деле. Чтобы пациенты не баловались.

– Он правда был врачом?

– Ага. И неплохим. Но не смог прижиться в частной медицине, а в государственной не смог выжить. Ушел в бизнес. Говорит, что ни о чем не жалеет, но я вижу, что иногда скучает.

– А что ты?

Нам приносят кофе и ароматный слоеный пирог с моцареллой и томатами. Я с наслаждением отгрызаю хрустящую корочку, пахнущую оливковым маслом и базиликом. Блаженство!

– А что я?

Никольский, как настоящий мачо, пьет эспрессо и ест бекон с яйцами. Я ловлю себя на мысли, что не люблю яичницу. Интересное наблюдение.

– Расскажи что-нибудь о себе. Ты тоже врач?

– Нет, слава богу. Я – младший ребенок важного человека. Строго говоря, я средний, есть еще мелкая сестра. С некоторых пор занимаю пост гендиректора в

семейной фирме. Одной из многих.

– И с Олегом вы познакомились...

– На работе, – кивает Данил.

– Вы не похожи на приятелей с института. Разница в возрасте внешне не сильно видна, но в общении чувствуется.

– Долгих позже в бизнесе. Но всего добился сам. А мне перепали папочкины деньги.

– И как же вы пришли к мысли заполучить одну любовницу на двоих?

– Твое любопытство очаровательно. И однажды я расскажу. Но не сегодня. Попробуй горячее мороженое. Очень вкусный десерт, фишка местного шефа. И еще рекомендую молочный коктейль с «Орео», он нравился тебе раньше.

– Правда?

– В прошлый приезд ты поглощала его тоннами, – кивает Данил.

Меня вдруг посещает мысль, что любимый десерт подтолкнет воспоминания, и что-то да пробьется через завесу тумана в голове. Я с нетерпением ерзаю в ожидании коктейля, но, когда приносят запотевший от прохлады бокал с сахарными краями и белой жижей с коричневыми вкраплениями, я пробую заказ на вкус и...

– Господи, меня сейчас стошнит! Это похоже на кем-то переваренное и выплюнутое молоко с печеньем. Дай запить!

Отбираю у ошалевшего Никольского чашку с кофе и залпом, как водку, глотаю горький эспрессо.

– Тебе нельзя... – неубедительно пытается остановить меня мужчина.

Но только после кофе противный привкус исчезает.

– Жесть! Мерзость! Как детское питание! Ты бы еще пюрированную брокколи с котлеткой предложил.

– Ну, извини. Смысл мне врать? Ты тащила от него! Даже когда мы бухали на пляже, у тебя стоял стакан с виски и молочный коктейль. Долгих постоянно тебя стебал, что если случится заворот кишок, он тебя спасти не будет, ибо из инструментов только пластиковая ложка и вибратор.

Так и чешется спросить, кому обычно достается вибратор, а кому – ложка, но я молчу и размышляю. Призвать воспоминания не получилось, но кое-какую информацию все же добыть удалось. Я не люблю то, что любила раньше. Или говорила, что люблю. Вряд ли удар по голове сломал что-то в мозгу, отключив мне память и включив моральные принципы вкупе с ненавистью к молочной продукции. В чем еще я притворялась?

– Кажется, ты наелась, – миролюбиво улыбается Никольский.

Ему, похоже, стыдно за то, что скормил мне гадость.

– Олег сегодня уехал, так что мы предоставлены сами себе. Нет смысла сидеть в номере безвылазно, так что идем.

– Куда? – с подозрением спрашиваю я.

Ответ, как всегда, простой, лаконичный и очень откровенный:

– Покажу тебе окрестности, искупаемся, устроим небольшой пикник в укромной бухте и займемся сексом.

Хорошо. Окрестности, плавание и пикник – это хорошо. Секс – не уверена. Все время, что я переодеваюсь, стараюсь не думать о Даниле и уж тем более не анализировать его поступки. Мне бы со своими разобраться.

И с вещами. Я совершенно не помню, где и что лежит!

В шкафу обнаруживается купальник (слишком открытый, на мой вкус, но, кажется, мой вкус – последнее, что принималось в расчет при выборе). Поверх я надеваю легкое пляжное платье, а потом, найдя плетеную сумку, начинаю рыскать по комнате в поисках крема от загара. Он должен здесь быть! Я провела на корабле несколько дней как минимум прежде, чем едва не отправила всех на тот свет. И, раз кожа не слезает кусками, где-то должен быть чемодан с косметикой.

Я методично перерываю шкаф, комод, ящики и шкафчик в ванной, прикроватные тумбы и, наконец, в небольшом красном чемодане в шкафу нахожу косметичку. Понятия не имею, мои ли это вещи, но раз их привезли сюда, то вряд ли чьи-то еще. Во всяком случае тон пудры совпадает.

Несколько тревел-флаконов духов, спрей от ожогов, крем с SPF-защитой и... я чувствую, как перехватывает дыхание: телефон!

Никольский выдал мне новый, сказав, что понятия не имеет, где валяется мой и уцелел ли при взрыве. Логично, что перед тем, как взрывать чужую собственность, я спрятала все важные вещи.

Начисто забыв о прогулке, я сажусь прямо на пол, подключаю телефон к зарядке. Удивительно, но вход по отпечатку пальца работает. Я бы на своем месте поставила пароль, он более надежен, но почему-то эта мысль не пришла в голову прошлой мне.

Телефон крайне странный, такое ощущение, что новый. В нем почти нет контактов, приложений, картинок. В галерее несколько селфи и пара закатов, в папке с приложениями – карты, новостная лента, какие-то дурацкие игры.

Банковских клиентов – нет.

Почты, инстаграма, соцсетей – нет.

Фотографий почти нет, и первая датируется началом кризиса.

Телефон определенно новый, но почему? И есть ли где-то мой, с настоящей информацией и всем остальным?

Пытаясь найти хоть что-то, я натыкаюсь на встроенную программу заметок. И вот там – клочок прошлой жизни. Странной жизни.

«Олег Долгих, 37л. В прошлом врач, хирург. Сейчас занимается поставками мед.оборудования, медицинским туризмом, элитным туризмом, круизами, владеет сетью лабораторий, пытается зайти на рынок БАДов и спортивного питания. Состояние около пяти миллиардов долларов (капитализация). Есть сын 19лет, живет в России, перспективный хоккеист. В разводе, о личной жизни ничего не известно, связи тщательно скрывает».

Я делала заметки о тех, с кем спала. Это интересно. И не похоже на «Дорогой дневник, сегодня я снова участвовала в оргии». Что я хотела от Долгих и Никольского? Почему подписала контракт, устроила взрыв? Что происходит, черт возьми?!

– Алина? – Данил заглядывает в комнату.

От неожиданности я подсакиваю и судорожно прячу телефон под удивленным взглядом Никольского.

– Ты долго еще? Что случилось?

– Ничего. Нашла свой телефон, вот, заряжаю, чтобы вернуть тот, что ты дал в больнице.

– Не стоит. Оставь себе, мало ли что. Есть какая-нибудь информация?

– Ты о чем? – Я стараюсь, чтобы голос звучал спокойно.

– О взрыве. Ничего подозрительного не нашла? Сообщения, угрозы, просьбы о встрече?

Я натянуто улыбаюсь.

– Прости, ничего. Только селфи, фотки закатов и еды.

– Вечером Олег посмотрит. Бросай свой телефон, идем, пока не грохнула жара. Хочу успеть поплавать.

С сожалением я оставляю телефон на зарядке. Почему-то есть ощущение, что по возвращении я его не найду, хотя поводов для паники нет. В памяти нет ничего, что связало бы меня со взрывом. Только информация о Долгих наталкивает на мысли, что не все так просто в наших совсем не романтических отношениях.

Вряд ли я просто искала информацию о любовнике. Ее обычно читают, принимают к сведению, но не записывают. С другой стороны, ничего провокационного там нет. Жил-был хороший хирург, задолбался бороться с системой, стал хорошим бизнесменом, заработал состояние. Рассказ Никольского о том, что Долгих все заработал своим трудом и с нуля тоже выглядит как сказочка. Но что мне могло понадобиться от него?

Бред какой-то. Кажется, я схожу с ума.

Очень сложно заставить себя не думать, не прокручивать в голове раз за разом одни и те же мысли. Я заставляю себя любоваться природой, вдыхать морской воздух и восстанавливать силы, но все равно ощущаю внутри тревогу.

Природа прекрасна. Бирюзовая вода с белой пеной, золотой песок, яркая зелень вокруг. Мы бредем вдоль берега, направляясь к небольшой скале вдали – и это все территория отеля. Какой же он огромный!

Ощущать набегающие на ноги прохладные волны безумно приятно, и постепенно я расслабляюсь. Никольский без умолку болтает, рассказывая всякую ерунду. Я даже жалею, что не могу всецело отдаться флирту с ним. Хорош, чертовски хорош. Озорной мальчишка, превратившийся в богатого молодого мужчину. Совсем иной типаж, нежели Долгих. Я даже не знаю, кто интригует больше. Наверняка у каждого свои тайны.

– Ты меня совсем не слушаешь, да? – улыбается Данил.

– Прости. Задумалась.

– О том, какие мы ужасные и жестокие?

– Нет. О том, что было бы здорово хоть что-то вспомнить.

– Нужно время, Алин. Только время.

– Да, но... внутри пустота. Кто я? Чего хочу? Я выяснила, что не люблю яичницу и коктейль, который раньше обожала. Почему? Я притворялась? Или просто изменились вкусы?

– Но дело ведь не в коктейле, да? Еще и в нас.

– Скажи, я согласилась на все это под давлением? Превозмогала себя или... не знаю, жертвовала свободой ради чего-то важного?

Никольский смотрит с сочувствием.

– Прости. Тебе просто нравилось. Ну или ты гениальная актриса. Не знаю. Я бы дал тебе время и ждал столько, сколько нужно. Но не все зависит от меня.

– Вы ведь купили игрушку на двоих.

– Не в этом дело. Олег считает, чем быстрее ты окунешься в привычную жизнь, тем быстрее вспомнишь. Это важно для расследования. Мы оба занимаемся бизнесом, он – серьезно, я управляю частью семейных капиталов. Мой отец поднялся в девяностые, а брат был связан с криминалом – в хорошем смысле...

Он осекается.

– В смысле, у Вовки были терки с криминалом, из которых он вышел победителем, буквально несколько лет назад. Основная проблема в том, что взрыв может быть не акцией экологов, а реальным покушением. Надо выяснить, на кого именно.

– Бо-оже! – Я закрываю глаза. – Зачем я с вами связалась?

Данил смеется и осторожно, почти не касаясь, проводит кончиком пальца вдоль лямки купальника, выглядывающей из выреза платья. Кожа мгновенно покрывается мурашками, но к счастью именно в этот момент набегают

очередная волна. Она бьется о камни, рассыпается брызгами, и я со смехом отшатываюсь.

– Не бойся. Ты в безопасности. Территорию отеля охраняют так, словно это военный объект. Главное не выходи на ее пределы... без нас.

– Птичка в клетке, – хмыкаю я.

– Надо сказать, весьма в комфортабельной.

Никольский приводит меня в действительно невероятной красоты бухту. Здесь лазурная прозрачная вода, чистейший песок, никаких лежаков и зонтиков – только первозданная природа. Лишь в небольшом гроте у самой кромки воды стоит небольшая беседка с навесом. Идеально белая, огромная, сошедшая с рекламы кокосовых конфет.

Да, клетка роскошная.

Я бросаю на матрас в беседке сумку, собираю на затылке волосы и стягиваю платье, оставаясь в купальнике.

– Помочь с кремом? – не скрывая возбужденного блеска в глазах, спрашивает Данил.

Мой первый порыв – отказаться, но он не скрывает, к чему все идет, а я не готова вступать в полноценную войну. И еще, возможно, люблю идеальный рельефным торсом, покрытым ровным загаром. Бросаю Никольскому тубик и поворачиваюсь спиной. Горячие пальцы неторопливо расстегивают купальник.

Это не так уж противно, как казалось.

Хорошо, я лгу, это совсем не противно. Невероятно умиротворяющее сочетание шума моря, слегка припекающего солнца и волнующие прикосновения ладоней. Никольский смелеет, не встречая сопротивления, а я вдруг понимаю, как до этого момента была напряжена. Мышцы расслабляются, и в голове наступает приятная легкость.

– Что-нибудь вспоминается?

– Нет.

– Становится хуже?

– Я здорова. Всего лишь удар по голове и шишка.

– И амнезия.

– Зато я наверняка мечтала стереть себе память и пересмотреть любимые фильмы. Теперь могу... правда, я не помню, какие у меня любимые фильмы.

Руки сменяются губами, и это уже более личное и более пугающее касание. Я вслушиваюсь в ощущения, но не могу найти панического желания сбежать или возмущения. Как, впрочем, не могу найти и страсть. Тело отзывается на умелые ласки Данила, но это не более, чем физический отклик.

Но кто сказал, что он плох? Не все связи должны заканчиваться свадьбой. Иногда их прелесть в том, что вы оба не чувствуете ничего, кроме желания.

Еще одна монетка в копилку знаний о себе: я кто угодно, но не хорошая девочка с жесткими моральными принципами.

Разворачиваюсь, отодвигаясь к центру лежака, на нагретые солнцем простыни. Верх от купальника соскальзывает, и соски моментально твердеют. Или от возбуждения или от освещающего ветерка с моря.

Когда Никольский размазывает крем по моей груди и плечам, его глаза опасно блестят. Низ живота охватывает приятный спазм, а когда Данил переходит к ногам, я чувствую, как учащается дыхание. К огромному сожалению он проходится кремом невыносимо близко к краю трусиков, но не спешит форсировать события.

Я далека от того, чтобы его умолять. Поэтому просто откидываюсь на подушки и расслабляюсь.

Мне бы очень хотелось абстрагироваться и насладиться запретным удовольствием, но я не могу заставить себя остановиться и перестать прислушиваться к ощущениям в контексте потери памяти. Каждый раз, когда Никольский прикасается, я пытаюсь понять, ощущала ли нечто подобное и если да, то как к этому относилась?

Насчет себя не знаю, но тело охотно откликается на любые, даже самые простые, ласки.

По телу проходит дрожь. Данил рисует контуры талии, просовывает руки мне под поясницу и спускается, обхватывая ягодицы. Движения одновременно уверенные и осторожные. Он разводит мне ноги в стороны, не отводя горящего взгляда.

– Если что... – медленно говорит Никольский. – Я – не Олег. Мне можно отказать...

Он опускается сверху, приближаясь к моим губам своими.

– По крайней мере, пока.

– Если что, – я с любопытством рассматриваю его вблизи, – я – не шлюха. Если я захочу отказать, то пошлю тебя раньше, чем ты останешься без штанов.

– Откуда ты знаешь? – усмехается он. – Ты же ничего не помнишь.

– У меня хорошая интуиция.

На несколько секунд наши губы соприкасаются, но поцелуя не получается. Это так странно: я определенно хочу секса здесь и сейчас, но совершенно не хочу близости. И это тоже многое обо мне говорит. Неужели я была с ними ради денег? Пользовалась вниманием богатых и красивых мужчин, выгодно продавала молодость и красоту в постели?

А вот это уже отзывается неприятно.

В отличие от череды неторопливых поцелуев на шее, ключице и груди. Горячий язык обводит напрягшуюся горошинку соска, пока пальцами Никольский сжимает другую грудь. У меня вырывается слабый стон, а руки сами собой поднимаются к волосам, путаются в растрепавшихся локонах, отчего грудь соблазнительно приподнимается – и на нее обрушиваются новые ласки.

Я чувствую его возбуждение, и через несколько секунд чувствую напряженный член, готовый в меня войти.

– Один вопрос... – Голос с трудом слушается, но, хочется верить, я выгляжу достаточно уверенной в себе.

– Ты пьешь таблетки, это точно. Мы сдали все анализы, все совершенно здоровы и кроме тебя у нас никого нет.

– Не этот вопрос.

Никольский хмурился и удивленно поднимает брови.

– Долгих в курсе, что ты тут делаешь?

Некоторое время Данил словно оценивает меня и решает, как ответить на вопрос, но это уже не имеет никакого смысла. Я знаю ответ, вот только не знаю, нравится ли он мне.

– Он знает, что я имею на тебя ровно столько же прав, сколько и он сам. Вечером послушает рассказ...

С этими словами он медленно входит, вжимая меня в лежак. Я чувствую его внутри, и это ощущение мне явно знакомо. Мы уже занимались сексом, тело с готовностью вспоминает удовольствие и отзывается на резкие толчки. Я обнимаю Никольского за шею, полностью позволяя ему входить так, как ему хочется – и это восхитительная добровольная беспомощность. Она заводит даже больше, чем сам факт проникновения.

У меня нет выбора, кроме как дать ему все, что Данил захочет. И можно не брать ответственность за свои желания и удовольствия. Можно легко сделать вид, что

я лишь притворяюсь послушной, что мои стоны и впившиеся в его спину ногти – отличная актерская игра.

Через несколько минут без каких-либо усилий Никольский заставляет меня повернуться и опереться на локти. Он входит сзади, собирает мои волосы в кулак и толкается снова и снова, проникая невыносимо глубоко.

Закрываю глаза.

Рука сама тянется к клитору, привычными движениями помогая телу достичь наивысшей точки. Я чувствую его твердый член внутри себя, нажимаю пальцами на набухший влажный клитор – и сладкая судорога проходит по телу. Мышцы влагалища вжимаются, доставляя нам обоим нереальное удовольствие. У Никольского в разы больше выдержки, чем у меня. Он продолжает движения даже когда я со стоном кончаю, и толчки, совпадающие с волнами наслаждения, отзываются внутри сладкой болью.

Руки дрожат, когда я немного прихожу в себя, и еще несколько минут, пока финиширует Данил, у меня есть, чтобы вернуть себе невозмутимость. Хотя довольно короткая разрядка не снимает и десятой части возбуждения, которым вдруг накрывает.

С коротким стоном Никольский вытаскивает член, и я переворачиваюсь на спину, тяжело дыша. Жаль, нельзя выпить. От бокала вина я бы сейчас не отказалась, и плевать, что утро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/vemmer_anna/ochen-otkrovenno

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)